

Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Под редакцией С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Под общей редакцией Х. А. Моора, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова и Н. Н. Чебоксарова, т. I, М., 1959, 588 стр.

Рецензируемый том открывает серию публикаций Прибалтийской Объединенной комплексной экспедиции, посвященных этнической истории народов Советской Прибалтики и смежных территорий РСФСР и Белорусской ССР. Это свидетельствует о том, что Прибалтийская экспедиция, организованная совместными усилиями Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая и Института археологии Академии наук СССР, а также институтов истории академий наук Прибалтийских республик и Белорусской ССР, вышла из организационной стадии.

Первый том Трудов, общим объемом 36 печатных листов, включает 24 статьи по археологии и этнографии и одну статью по антропологии. Публикация большого количества новых материалов и разработка ряда частных, конкретных вопросов в этом томе позволит в дальнейшем поднять более общие проблемы по этнической истории народов Советской Прибалтики и соседних территорий.

В статьях по археологии рассматривается обширный круг памятников на территории современных Прибалтийских республик и смежных областей БССР и РСФСР. Однако статьи не одинаковы по широте поднятых в них вопросов. Часть из них — публикация материалов, полученных при раскопках одного или нескольких памятников (например, статьи Р. Яблонските-Римантене, Л. Ю. Янитса, М. Х. Шмидехельм, А. Я. Стубавса, Э. П. Бривкалне). В некоторых из этих статей публикация материала сопровождается более подробным анализом его и в связи с этим рассматриваются более общие вопросы хронологии, а также хозяйственных, общественных или этнических отношений (статьи Л. Ю. Янитса, М. Х. Шмидехельм и А. Я. Стубавса). В других статьях дается обзор памятников на определенной территории (статьи Н. Н. Гуриной, С. А. Таракановой, Э. Д. Шноре и др.).

Археологическим памятникам эпохи мезолита посвящена статья Р. Яблонските-Римантене «Стоянки каменного века в Эйгуляй» (стр. 11—31), в которой публикуются результаты исследования трех мезолитических стоянок, находящихся неподалеку от г. Каунаса. Отметим, что мезолит в Литве был известен до настоящего времени в основном по случайным находкам. В описываемых стоянках обнаружены остатки кострищ и собрано значительное количество кремневых изделий и отходов, свидетельствующих о развитой обработке кремня. Вряд ли можно спорить с автором о том, что кремневый инвентарь из Эйгуляй сходен с памятниками свидерского типа. Вполне допустимой кажется и датировка стоянок VIII—VI тысячелетиями до н. э., основанная на геологических данных.

Особо следует отметить, что в одной из стоянок в Эйгуляй (стоянка В) обнаружен также позднеолитический (II тысячелетие до н. э.) культурный слой с шнуровой керамикой. Стоянки с шнуровой керамикой в Литве, как и в остальной Прибалтике, пока еще слабо изучены, поэтому стоянка в Эйгуляй представляет, безусловно, большой интерес. Надо отметить отдельные небольшие неточности, допущенные в статье. Так, на стр. 18 сказано, что одна из мезолитических стоянок занимала площадь более 1 га. Это никак не согласуется с планом стоянки на рис. 4 (стр. 16). Вряд ли можно допустить существование таких обширных стоянок в мезолитическую эпоху. Желательно было бы снабдить рис. 2 (стр. 12) списком условных знаков, а план на рис. 1 (стр. 11) горизонталями, без которых трудно понять условия расположения стоянок.

Археологические памятники эпохи неолита рассмотрены в статьях Л. Ю. Янитса и Н. Н. Гуриной. Статья Л. Ю. Янитса «Неолитическое поселение озера Валма» (стр. 32—75) посвящена стоянке на северо-западном берегу озера Выртсъярв в центральной Эстонии. Это первая неолитическая стоянка на территории Эстонии, раскопанная полностью. Раскопки показали, что стоянка была заселена повторно. Нижняя, наиболее мощная часть культурного слоя, датируемая концом III тысячелетия до н. э., содержала типичную ямочно-гребенчатую керамику. Наличие же в верхней части культурного слоя шнуровой керамики свидетельствует о том, что в первой половине II тысячелетия до н. э. на этом месте обитало население культуры боевых топоров. На краю поселения было обнаружено два погребения, относящихся ко времени типичной ямочно-гребенчатой керамики. Автор, привлекая данные из других неолитических поселений Эстонии и соседних территорий, дает глубокий анализ найденного в стоянке вещевого материала.

Заключительная часть статьи посвящена некоторым общим проблемам, в частности взаимоотношениям племен культуры ямочно-гребенчатой керамики и племен боевых топоров, а также хронологии. Эти проблемы разработаны автором более подробно в его опубликованной недавно монографии¹.

¹ Л. Ю. Янитс, *Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (ЭССР), Таллин, 1959.* Рецензию Н. Н. Гуриной на эту книгу см. выше.

Ценность статьи Л. Ю. Янитса повышают многочисленные и хорошо выполненные иллюстрации. Приходится только сожалеть, что на плане раскопок поселения (рис. 3, между стр. 38 и 39) не показано расположение находок.

В статье Н. Н. Гуриной «Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции» (стр. 76—110) подведены итоги разведочным работам на территории современных Псковской, Калининской и Новгородской областей, где, помимо неолитических памятников, обнаружен ряд селищ эпохи раннего средневековья. К статье приложен список обследованных памятников.

Много неолитических стоянок обнаружено в восточной части изученной территории, в частности в валдайском Приозерье (по берегам озер Охвот, Пено, Селигер и др.). Стоянки расположены густо, а по занимаемой площади очень невелики (не более 200—300 м²). Очевидно, автору следовало бы учесть возможность того, что они не были одновременными. Для описываемых стоянок характерно, помимо многочисленных кремневых изделий, обилие полуфабрикатов и отходов кремня, что типично вообще для стоянок так называемой валдайской неолитической культуры, которую Н. Н. Гурина выделила в другой работе как особую неолитическую культуру².

В западной части данной территории неолитических памятников обнаружено очень мало. Но вряд ли можно полностью согласиться с выводом, сделанным на основе разведочных поисков в течение одного года или двух лет, о слабой заселенности в неолитическую эпоху территории современной Псковской области. В доказательство своего положения автор приводит неудобство для заселения берегов рек и озер, а также отсутствие там годных для изготовления орудий кремня и сланца. По своим природным условиям от Псковской области мало чем отличается, например, Эстония (там также нет ни кремня, ни сланца). Между тем неолитических памятников в Эстонии обнаружено немало. Поэтому не исключена возможность, что и в западной части Псковской области, где неолитические памятники обнаруживаются труднее, чем в валдайском Приозерье, по крайней мере некоторое число их выветится в будущем. Возможно также, что стоянки, расположенные на берегу Псковского озера, были размыты.

Недоумение вызывает карта на рис. 3 (стр. 88). Остается непонятным, что подразумевает автор под восточными прибалтийскими племенами, территорию которых он ограничивает северной Эстонией. Обращает на себя внимание неточность на стр. 81, где сказано, что Я. В. Станкевич и Э. Р. Рыгдылон обнаружили на побережье озера Охвот шесть стоянок. На карте, опубликованной Я. В. Станкевич, на побережье указанного озера на деле обозначено более 20 стоянок³.

Из работ, посвященных в основном более поздним периодам, назовем в первую очередь статьи Ф. Д. Гуревич и Л. В. Алексеева, дающие обзор археологических памятников в северо-западной Белоруссии.

В статье Ф. Д. Гуревич «Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье» (стр. 233—253) приведены многочисленные данные об археологических памятниках в пределах современной Гродненской области, ранее очень слабо изученной. К статье приложен список обследованных памятников и соответствующая карта (рис. 1 на стр. 236).

Автор останавливается на некоторых памятниках (городища, селища, подъемный материал) со штрихованной керамикой, датируемых первыми веками нашей эры или более ранним временем, затем на памятниках с лепной гладкостенной керамикой (главным образом селища) середины и второй половины I тысячелетия н. э. Ко второй половине I тысячелетия относит автор также часть курганов, среди которых немало длинных и удлиненных, что, по мнению Ф. Д. Гуревич, меняет наше представление о границах распространения этой категории памятников. Начало II тысячелетия н. э., кроме городищ, представлено поселениями с гончарной керамикой и многочисленными курганами.

Памятники, обследованные Ф. Д. Гуревич в Понеманье, имеют очень большое значение для выяснения взаимоотношений балтийских и славянских племен. В статье, к сожалению, проявляется некоторая односторонность: автор, кроме славянских материалов, мало учитывает соответствующие памятники в соседней Литве и на территории обитания древнепрусских племен.

В статье Л. В. Алексеева «Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины» (стр. 273—315), содержащей материалы к археологической карте Витебской области БССР, дан обзор памятников от I тысячелетия до н. э. до начала II тысячелетия н. э. на этой территории. Автором составлен список, включающий 568 памятников, из которых 485 — наиболее достоверных — нанесены на приложенную к статье карту.

Наибольший интерес представляют данные о ранних городищах, датируемых рубежом и началом нашей эры, где представлены разные типы керамики: сетчатая (на севере), штрихованная (в основном на юге), гладкостенная (главным образом в средней части области). Автор делает вывод, что северная часть Витебщины была

² Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура, «Сов. археология», 1958, № 3; в данную статью включены также материалы археологической разведки, проведенной здесь Н. Н. Гуриной в 1957 г.

³ См. Я. В. Станкевич, Древние укрепленные поселения и городища в верхнем течении Западной Двины, «Древние поселения и городища. Археологический сборник», т. I, Таллин, 1955, рис. 28 на стр. 98.

заселена финно-угорскими, южная — летто-литовскими племенами. Что касается средней части Витебской области, то здесь, по мнению автора, обитали племена, этническая интерпретация которых еще невозможна.

Городища второй половины I тысячелетия н. э. с гладкостенной (отличной от более ранней) керамикой автор считает славянскими. За ними по времени следуют уже селища и городища раннего средневековья с гончарной керамикой, в их числе и крупные феодальные городища (Полоцк, Витебск и др.).

На основании времени появления на Витебщине длинных курганов автор полагает, что славяне проникли сюда около середины I тысячелетия н. э. Нет сомнения в том, что городища и курганы Витебской области требуют дальнейшего, более обстоятельного изучения. Они, как и соответствующие памятники в Понеманье, очень важный источник для выяснения этнических отношений между славянскими и балтийскими племенами.

Составленная Л. В. Алексеевым карта (рис. 1, между стр. 274 и 275), к сожалению, недостаточно наглядна. Излишней пестроты условных знаков можно было бы избежать, дав вместо одной карты несколько, по отдельным периодам. На карте не отражена, кроме того, связь памятников с природными условиями.

В статье С. А. Таракановой «Себежские городища и курганы» (стр. 111—127) публикуются итоги обследования и раскопок в 1955 г. городищ и курганов в водополье р. Великой и Западной Двины в пределах современного Себежского района Псковской области. Изучение этой территории представляет большое значение для этнической истории народов Прибалтики; поэтому можно с удовлетворением отметить, что исследования были продолжены и в последующие годы.

Городища Себежского района, датируемые С. А. Таракановой второй половиной I тысячелетия до н. э., характеризуются по преимуществу гладкостенной лепной керамикой с ямочным орнаментом, выполненным щепкой, направленной под углом в верхней части сосуда. Кроме того, найдены и черепки штрихованной и сетчатой керамики. На основании наличия гладкостенной керамики автор, вопреки мнению Ф. Д. Гуревич, которая приписывает их балтийским племенам, приходит к выводу, что себежские городища принадлежали населению, родственному племенам южновосточной культуры. Нам, однако, кажется, что нет основания отрицать наличие в I тысячелетии до н. э. балтийского (местами перемешанного с угро-финнами) населения не только в пределах теперешней Псковской области, но и южнее.

Могильные памятники представлены в Себежском районе многочисленными курганами — длинными, удлиненными и круглыми. Однако датировать их трудно из-за отсутствия в них могильного инвентаря. По мнению автора статьи, круглые курганы появляются не позднее первой половины I тысячелетия н. э., когда здесь уже известны длинные курганы. Таким образом, С. А. Тараканова датирует и те и другие курганы более ранним временем, чем другие исследователи.

Вывод автора о том, что себежские курганы — славянские, требует тщательной проверки. Было бы полезно сравнить курганы с соответствующими памятниками Витебщины, восточной Литвы и юго-восточной Латвии. Нужно надеяться, что дальнейшие раскопки себежских курганов дадут возможность уточнить их датировку.

Не совсем ясен план Себежского городища (рис. 1 на стр. 112), на котором сливаются горизонтали разной высоты.

В статье А. З. Таутавичуса «Восточнолитовские курганы» (стр. 128—153) подведены итоги изучения этих памятников до 1956 г. Очень ценен приложенный к статье список исследованных до 1955 г. могильных памятников в Восточной Литве, снабженный ссылками на место хранения экспедиционных материалов, на музейные коллекции и литературу. В статье помещена карта распространения восточнолитовских курганов (рис. 13 на стр. 143).

Автор дает характеристику обоих видов восточнолитовских курганов: более ранних (IV—V вв. н. э.) — с трупоположением и более поздних — с трупосожжением (с середины I тысячелетия н. э. до XIII в.). Интересен вывод о проникновении обряда трупосожжения в восточную Литву из южного Занеманья, от ятвяжских племен. Однако ввиду того, что курганы с трупосожжением примерно в то же время появляются на всей обширной территории к востоку и северо-востоку от Литвы, автору следовало бы рассмотреть этот вопрос в более широком масштабе. Учет тесных связей с более восточной территорией помог бы лучше понять своеобразие восточной Литвы по сравнению с центральной и западной ее частями.

Заслуживает внимания попытка установить связь между курганами и ранними городищами со штрихованной керамикой. В этом отношении представляет интерес раскоп городища Мигонис, жители которого, как удалось выяснить, в IV—V вв. хоронили своих покойников в курганах, расположенных в 300—400 м от городища.

Латвийский археолог Э. Д. Шноре в статье «Городища древних латгалов» (стр. 222—232) дает краткий обзор названных памятников в восточной Латвии. Статья написана главным образом на основе материалов, полученных автором статьи при проведении раскопок городища Асоте в 1949—1955 гг. Кроме Асоте, автором учтены и данные раскопок, произведенных на городищах Латвии в довоенный период. Так как по материалам Асоте Э. Д. Шноре уже подготовила монографическое исследование, публикуемое в ближайшее время в «Материалах и исследованиях по археологии Латвийской ССР», а результаты изучения латгальских городищ в довоенный период

большей частью уже опубликованы, то мы на статье Э. Д. Шноре подробнее останавливаемся.

Большой интерес вызывает статья А. Я. Стубавса «Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг.» (стр. 186—221). Этот памятник расположен близ города Огре, примерно в 30 км к юго-востоку от Риги. Раскопки на Кентескалнсе — как на городище, так и на расположенном рядом с ним селище — проводились и в последующие годы; но их результаты, к сожалению, не включены в данную статью.

Раскопками на городище, датируемом в основном VI—IX вв., установлено три слоя, соответствующих трем периодам его застройки. Удалось более или менее выяснить также систему укрепления городища. У валов обнаружены остатки своеобразных жилых построек, служивших укреплениями, а в самом валу — деревянный каркас, служивший основанием для защитных сооружений.

Автором, к сожалению, описание культурного слоя дано не систематично. Поэтому стратиграфия валов и представление об обнаруженных остатках построек недостаточно ясны читателю. Трудно также понять, чем отличаются отдельные периоды застройки городища друг от друга. Схематические профили на рис. 2 (стр. 189) не дают об этом должного представления.

В селище Кентескалнс заслуживают особого внимания многочисленные следы жилых построек — наземных срубов — с остатками печей-каменок и очагов. По количеству жилищ автор пытается установить, что на селище проживало одновременно около 300 человек. На селище были вскрыты некоторые следы более древнего культурного слоя, относящегося к I тысячелетию до н. э.

Раскопки на Кентескалнсе дали значительные материалы для характеристики развития земледелия, скотоводства и ремесла того времени. Сделанные автором выводы — в частности по вопросу об отделении ремесла от земледелия — имеют значение для истории не только Латвии, но и соседних республик. Убедительно показана имущественная дифференциация обитателей городища и селища. Автор правильно считает, что городище было укрепленным местом обитания знати, выделившейся из среды остальных членов территориальной общины.

Вывод автора об этнической принадлежности населения Кентескалнса, о его смешанном характере, полученный им на основании тщательного сопоставления представленных в материале латышских, а также некоторых земгалских и ливо-эстонских элементов, является вполне правдоподобным.

В статье Э. П. Бривкалне «Городище Тервете и его историческое значение» (стр. 254—272) рассматривается комплекс памятников — городище с форбургом и окружающее их обширное поселение в центре обитания древних земгалов, примерно в 60 км к юго-западу от Риги. В статье изложены результаты археологических исследований в Тервете с 1951 по 1955 г. К тому времени были проведены лишь разведочные раскопки на форбурге и в селище, а на самом городище в 1954 г. был заложен раскоп в 665 м², охватывающий более половины площади городища (около 1000 м²). Однако до 1955 г. здесь была исследована лишь верхняя часть культурного слоя (периоды V—VI и XII—XIII вв.). Между тем раскопки в Тервете продолжались до последнего времени. Таким образом, статья основана на материалах, полученных на самом начальном этапе археологических исследований в Тервете, а поэтому не дает должного представления о конечном результате исследования этих памятников, чрезвычайно важных для всей Прибалтики.

М. Х. Шмидехельм в статье «Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии» (стр. 154—185) дает описание и анализ материалов, полученных при раскопках этого памятника в 1951—1955 гг. Рыуге — первое городище в Эстонии, площадь которого полностью вскрыта. С 1955 по 1959 г. автором статьи проводились раскопки на расположенном рядом с городищем селище, но их результаты в данную статью включены лишь частично.

На основе обильного вещевого материала автор датирует городище V—XI вв., а также характеризует хозяйство, общественные отношения и этнические связи его населения. Городище Рыуге, расположенное на юго-восточной окраине территории расселения эстонских племен, дало материал, обнаруживающий черты сходства с псковскими городищами. Кроме того, почти все оружие и все бронзовые украшения, найденные в Рыуге, — латгальского типа.

К числу работ, связанных с археологией, относится и статья А. П. Расиныша «Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР» (стр. 316—349). На основе ботанического анализа найденных при раскопках семян автор рассматривает вопрос о возделывании культурных растений на территории Латвии в I тысячелетии н. э. Тщательно изучены им и семена сорняков, причем, по его мнению, состав сорняков, содержащихся в полученном из раскопок семенном материале, указывает лишь на существование пашенной системы земледелия, но не подтверждает определенно применения трехполья в Латвии в XI—XIII вв. В статье даны ценные указания о методике сбора семян культурных и сорных растений при археологических раскопках.

Следует отметить, что сходные выводы опубликованы автором в статье «Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII века н. э.»⁴, в которой привлечены и некоторые новые материалы.

⁴ См. «Растительность Латвийской ССР», II, Рига, 1959.

Этнографическая часть тома включает двенадцать статей. Не случайно, что пять из них посвящены крестьянскому жилищу. Проблема изучения традиционного народного жилища занимает одно из центральных мест в работах Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. В результате интенсивной собирательской работы появилась возможность сделать известные обобщения по развитию разных типов жилища на территории Прибалтики. Именно этому и посвящена статья Л. Н. Терентьевой «Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики» (стр. 340—361).

Наследие, полученное советскими исследователями от буржуазных этнографов по изучению жилища, неравнозначно по республикам. Лучше всего было изучено народное жилище в Эстонии, значительно меньше — в Латвии и наиболее слабо — в Литве. На схематической карте (рис. 1 на стр. 341) это показано сплошной штриховкой, покрывающей Эстонию, и множеством белых пятен на территории Латвийской и Литовской ССР — районов, которые не были охвачены собирательской работой вообще. На карте видно и наступление на эти белые пятна, которое повели этнографические отряды Прибалтийской экспедиции и другие научные учреждения Прибалтийских республик. Успехи этого наступления за годы работы экспедиции отражены на карте штриховкой, почти сплошь покрывающей восточную половину территории Латвийской ССР и ее западные районы, а также значительные площади в Литовской ССР.

Накопленные материалы позволили определить районы распространения на территории всех Прибалтийских республик различных типов жилища, которые условно названы восточным, западным и северным. Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении этих типов и их распространности по районам, так как основные принципы классификации жилищ были уже ранее частично сообщены в печати⁵.

Участниками экспедиции впервые выявлены смешанные типы жилища. Так, на территории Латвии и Литвы, на стыке восточного и западного типов жилищ, в сенях некоторых изб сложен камин с открытым очагом. На северо-западе Латвии в отдельных жилищах рига сочетается с сенями, в которых воздвигнут ровик для открытого очага, а по другую их сторону пристроена истаба. Вдоль восточной границы Эстонии зафиксированы жилища, состоящие из жилой риги, холодных сеней и избы.

Наглядное представление о типах жилищ по всей Прибалтике дает приложенная к статье схематическая карта их распространения. Карта иллюстрирует выдвинутое советскими исследователями положение о том, что границы распространения каждого из этих типов «не совпадают ни с современными, ни с позднефеодальными этническими границами. Они отражают, по-видимому, более раннее размещение племенных групп населения Прибалтики, существовавшие до образования литовской, латышской и эстонской народностей» (стр. 358).

В статье приведены и другие, второстепенные признаки конструкций жилища и его внутренней планировки, что позволяет расширить границы распространения того или иного типа. Так, жилище восточного типа, сходное по своей внутренней планировке с жилищем, господствующим в западных областях РСФСР, в Белоруссии и на Украине, возникло в Прибалтике, по-видимому, под влиянием ранних форм восточнославянского жилища. Активное культурное взаимодействие между восточными племенами Прибалтики и восточными славянами проявляется и в некоторых особенностях жилища населения соседних западных областей РСФСР (подвесной котел над шестком русской печи).

Основные положения, содержащиеся в статье Л. Н. Терентьевой, находят подтверждение в конкретном материале статей по жилищу отдельных районов Прибалтийских республик.

Так, в статье А. Крастыни «Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в.» (стр. 387—395) довольно подробно описаны два типа жилищ, распространенных в северной Латвии — истаба и жилая рига. Жилая рига на территории Латвии распространена исключительно в Видземе, а следовательно, предполагает автор, возникновение этого типа жилища здесь произошло, возможно, под влиянием живущих рядом эстонцев и отдельных эсто-ливских групп.

Приходится сожалеть, что недостаток данных не позволил автору установить количественное соотношение истаб и риг в Видземе, а также выяснить, какие причины вызвали существование этих двух различных типов жилищ: этнические традиции или тяжелое экономическое положение крестьян? Следует напомнить, что сторонники теории, по которой рига сложилась лишь в условиях жестокого феодального гнета, в последнее время становятся все меньше.

Материалы статьи И. Бутквичюса «Основные типы традиционного литовского крестьянского жилища» (стр. 396—407) вошли позднее в диссертацию автора.

Статья Т. Хабихт «Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в.» (стр. 362—385) содержит материал по деревням, типам усадеб и жилищу населения наиболее слабо изученной области Эстонии. Материальная культура населения юго-восточной Эстонии, которую этнографы выделяют в особую историко-этнографическую

⁵ См. «Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики» (планарные заседания), М., 1955.

подобласть, во многом отличается от северной и западной Эстонии. Так, жилища стоят в однорядной связи с гумном, не будучи встроены в гумно, и окружены всех сторон постройками, как на севере. Нередко рига и гумно имеют одинаковую ширину и ширину, т. е. сходны с жилыми ригами Видземе. Установление границы распространения специфических черт в постройках юго-восточной Эстонии поможет определить этногенез населения этой подобласти и выяснить процессы, протекавшие там, где эстонское население издавна испытывало влияние восточных и южных соседей.

В статье описаны техника строительства риги, внутреннее убранство и использование жилых риги и боковых комор в прошлом. Интересны бытовые детали использования жилища по сезонам, описание утвари и мебели. Все это создает живое представление о быте эстонского крестьянина.

В характеристике жилища разных групп населения юго-восточной Эстонии автор следовало бы привести данные и о жилых ригах сету.

Л. А. Молчанова в статье «К вопросу о развитии белорусского крестьянского жилища» (стр. 544—560) делает попытку восстановить жилище феодальной эпохи, прослеживает изменения, происходившие в жилище во второй половине XIX в. В статье определены устойчивые элементы жилища белорусского крестьянина. Материал статьи весьма полезен для этнографов, работающих по истории жилища восточных районов Прибалтики.

Две статьи сборника посвящены сельскохозяйственным орудиям. Статья Л. Х. Феоктистовой «Старинные эстонские земледельческие орудия» (стр. 408—420) представляет собой обзор орудий, характерных для переходного периода от феодализма к капитализму. Автор разбирает основные типы эстонских пахотных орудий, орудия труда, связанные с севом, уборкой урожая и дальнейшей его обработкой. Автор выделяет три основных территориальных комплекса, которые совпадают с территорией распространения основных эстонских диалектов. Следовательно, типы орудий в общем совпадают с основными этническими территориями Эстонии.

Следует отметить, что особенности эстонских пахотных орудий несколько более детально проанализированы А. Х. Моора в ее статье «Об историко-этнографических областях Эстонии»⁶. Л. Х. Феоктистовой надлежало хотя бы сноской указать читателю на эту статью.

В статье И. Лейнаса «Земледельческие орудия в крестьянских хозяйствах Латвии в XIX в.» (стр. 421—437) дан их подробный обзор. Материалы Л. Х. Феоктистовой и И. Лейнаса вместе с обзором сельскохозяйственных орудий Литвы, выполненным ранее П. Дундулене, дадут возможность сделать некоторые обобщения по истории сельскохозяйственных орудий в Прибалтике.

Обстоятельная статья А. О. Вийреса «Санный транспорт у эстонцев» (стр. 438—476) представляет собой широкий обзор развития древнего вида полезного транспорта в Эстонии. Кроме этнографических данных, автором изучены старинные словари и проработана обширная специальная литература. Блестящее знание терминологии, привлечение аналогий из других финских языков способствуют убедительности вывода автора, что «по распространению типов саней Эстония разделяется в основном на те же самые области, которые намечаются и на основании данных археологии, фольклористики, лингвистики и этнографии» (стр. 476). Следует отметить ценность статьи в методологическом отношении. Автор образцово сводит данные археологии, этнографии, лексикографии и др.

Небольшая статья В. Я. Калитс «О тюленьем промысле на острове Кихну» (стр. 477—486) написана на основе полевых материалов автора. Тема «Материальная культура острова Кихну» включена в план работ Прибалтийской объединенной экспедиции. Статья содержит описание зимнего и осеннего сезонов добычи тюленей, способов ловли гарпуном, крючком и сетями (осенью), взаимоотношений между членами охотничьей артели, дележа добычи, старых обычаев охотников. Тюлений промысел был издавна в широких масштабах распространен в Швеции. В статье, по нашему мнению, следовало бы подробнее проследить этнические связи между населением Кихну и шведами по данным древнего тюленьего промысла. Вообще, не совсем понятно, почему эта публикация включена в настоящий том с его четко выраженной направленностью на разрешение проблем этногенеза и этнической истории. Автор статьи и не пытается ставить такие вопросы в отношении населения острова Кихну.

Изучению одежды народов Прибалтики посвящены две статьи этнографов Латвии. М. К. Слава в статье «Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX в.» (стр. 487—509) выделяет пять основных локальных комплексов латышской женской одежды, а в их пределах — 19 локальных вариантов или подтипов. К статье приложена карта распространения комплексов женской народной одежды, бытовавшей в Латвии в начале XIX в. Следует отметить хорошее выполнение цветных иллюстраций костюмов и деталей их. Анализ материалов одежды приводит автора к некоторым выводам, касающимся этнической истории латышского народа и характера культурных связей с соседями.

⁶ Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 233—292.

Весьма интересна статья А. Э. Зарини «Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет» (стр. 510—520). Фрагменты одежды и бронзовые украшения, сохранившиеся в латгалских грунтовых погребениях VIII—XIII вв., значительно расширяют возможность восстановления женского и мужского латгалского костюма далекой эпохи раннего феодализма. Чрезвычайно ценны в этой статье описания техники тканья древних вилайне, реконструкция схем тканья и украшений головных венков. Однако анализ материалов этих раскопок еще не доведен до конца. Так, очень важно было бы проследить преемственность в поздних вишивках вилайне древней техники украшения металлическими колечками и спиральками. Это явилось бы, до известной степени, ключом к определению различных швов вышивок не только в поздних костюмах латгалов, но и одежды их соседей (эстонцев). К сожалению, автор не делает этих попыток и в новой своей работе⁷.

Ни один исследователь, изучающий материальную культуру населения восточных районов Прибалтийских республик, не может обойтись без сравнения ее с материальной культурой северных белорусов. Нельзя также изучать этническую историю отдельных групп населения Эстонии, Латвии и Литвы без учета этногенетических процессов, протекавших на северо-западе Белоруссии. В этом отношении статья М. Я. Гринблата «К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов» (стр. 523—543) представляет значительный интерес не только в части фактического материала, но и методологически. Кроме полевых материалов, автором привлечены данные по археологии, лингвистике и топонимике крайних северо-западных районов БССР. Им учтена также принадлежность населения к католической или православной церкви. Анализ всех этих данных приводит автора к выводу, что северо-западная часть нынешней Белоруссии была заселена некогда древними литовцами — частью аукштайтами, частью ятвягами. Колонизационное движение славян в область литовских поселений привело к славянизации литовского населения. Процесс этот был длительным: начавшись в VI—IX вв., он закончился лишь в конце XIX — начале XX в.

В статье М. В. Витова «Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики»⁸ (стр. 561—578) приведены материалы 1952—1954 гг. антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Материалы впервые собраны в большом количестве (45 территориальных групп) по единой методике на территории всех трех Прибалтийских республик, а также в смежных с ними районах западных областей РСФСР и БССР.

Автор статьи выделяет на территории Восточной Прибалтики шесть локальных комплексов антропологических признаков и хорошо определяет их место в расовой систематике Северной Европы. Для некоторых антропологических типов он предлагает новые, более удачные термины. Очень интересна составленная автором схема развития основных антропологических комплексов Восточной Прибалтики. К статье приложено несколько карт изменчивости антропологических признаков. К сожалению, в подписях к картам допущены неточности (рис. 2а, 3б и 5).

Большое количество материалов и полная сравнимость их позволяют по-новому осветить и частично разрешить многие вопросы этнической истории народов Восточной Прибалтики.

Следует напомнить, что полная сводка тех же данных дана в коллективной работе М. В. Витова, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология восточной Прибалтики»⁹. В результате всех этих работ можно считать, что антропологически Прибалтийские республики теперь представляют одну из наиболее хорошо исследованных областей Советского Союза.

При ознакомлении со статьями в первом томе Трудов создается, к сожалению, впечатление, что они до некоторой степени устарели и не отражают достижений в изучении этнической истории народов Прибалтики на современном этапе. В них не учтены ни публикации, изданные за последние годы, ни результаты новейших раскопок. За время затянувшегося печатания тома успели выйти многие публикации: «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I — Нукшинский могильник, (Рига, 1957); Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура (Сов. археология, 1958, № 3); Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях р. Эмайыги (Таллин, 1959) и др.

Тем большее недоумение вызывает у читателя замечание от редакции (на стр. 578), что в настоящем томе сознательно не учтены новые материалы и публикации, поскольку они будут источником новой работы. Если издание первого тома Трудов по каким-то причинам затянулось, то это следовало бы сказать в предисловии, а в конце каждой статьи отметить время ее поступления в редакцию.

Иллюстрации рецензируемого тома в общем удачны. Не совсем удовлетворительны некоторые фотографии: например, на рис. 2 на стр. 132 (в статье А. Таутавичюса), рис. 2 на стр. 364 (в статье Т. М. Хабихт), таблицы II, III, VIII на стр. 90, 91, 96 (в статье Н. Н. Гуриной) и таблицы I, II на стр. 124, 126 (в статье С. А. Тарака-

⁷ Глава «Одежда и украшения» в сборнике «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I — Нукшинский могильник, Рига, 1957, стр. 31—39.

⁸ Часть рецензии, касающаяся статьи М. В. Витова, написана К. Ю. Марк.

⁹ Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. II, М., 1959.

новой) и др. Ценность таблиц и рисунков снижена тем, что в подписях к ним не указаны соответствующие музейные номера публикуемого материала. А ведь совершенно очевидно, что без указания музейных номеров для исследователей будет затруднительно идентифицировать предметы среди тысяч других музейных номеров.

Читателю остается также непонятным, на каком основании иллюстрации разделены на рисунки и таблицы. Так, имеются рисунки, занимающие целую страницу (рис. 3 на стр. 15), в то же время на стр. 247 и 248 помещено по две таблицы. Досадны некоторые неточности в ссылках, опечатки, а также тот факт, что местами сохранено устаревшее административное деление (в статье Н. Н. Гуриной).

Тем не менее настоящий том Трудов в целом является большим достижением в изучении древнейшей истории и материальной культуры народов Прибалтики и соседних территорий. Кроме ценного и разнообразного материала по археологии, этнографии и антропологии, он включает положительный опыт совместных исследований представителей разных дисциплин, сотрудничающих в Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Дальнейшее развитие комплексных работ с участием археологов, этнографов, антропологов, а также языковедов и представителей других смежных дисциплин — единственный путь к осуществлению основной задачи Прибалтийской экспедиции — глубокому и всестороннему изучению этнической истории народов Прибалтики и соседних с ней территорий.

Е. В. Рихтер, Э. Ю. Тыныссон

«*Eesti NSV TA Etnograafia Muuseumi Aastaraamat*» (Ежегодник Этнографического музея); XVI, Таллин, 1959, 313 стр.

В 1959 г. Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР возобновил издание своего «Ежегодника» — вышел в свет выпуск XVI «*Etnograafia muuseumi aastaraamat*», подготовленный к пятидесятилетию Этнографического музея в Тарту (бывший Народный музей)¹. Сборник вышел на эстонском языке с резюме на русском и немецком языках. (Статьи, поступившие в редакцию ежегодника на русском языке, и публикуются на русском, с резюме на эстонском языке).

«Ежегодник Этнографического музея» предназначен для публикации материалов и исследований по этнографии эстонцев в первую очередь, а также по этнографии соседних и родственных им народов.

В рецензируемом сборнике опубликовано 11 статей и предисловие от редакции о пятидесятилетнем юбилее музея; общий объем их — 20 печатных листов. В сборнике помещено около 125 иллюстраций.

Значительная часть статей посвящена материальной культуре населения Эстонии и хозяйственным занятиям его; остальные — фольклору, лингвистике, историографии.

Статья «Эстонские бороны» (автор Л. Феоктистова-Кивисаар) интересна уже потому, что хотя этнографы в общем немало занимались сельскохозяйственными орудиями эстонцев, но внимание их было обращено в основном на пахотные орудия. Автор описывает наиболее ранние из известных типов бороны — вершалины и суковатки, коленчатую борону, ведущую, по мнению автора, свое происхождение из Скандинавии и постепенно (начиная с XIV в.) распространившуюся по всей Эстонии, кроме юго-востока. Колончатая борона употреблялась на каменистых почвах. Из более поздних типов бороны рамная борона проникает в Эстонию во второй половине XIX в., сначала деревянная, затем — с железными зубьями и, наконец, цельнометаллическая. Автор рассматривает также такие поздние типы бороны, которые раньше вообще не фиксировались в этнографической литературе, — специальную «картофельную борону», «лапчатую борону» и затем пружинную. Рассматривая бытование различных типов бороны в историческом плане, автор подчеркивает, что появление и исчезновение их в значительной степени зависело от экономического положения крестьян; так, в остальных экономически районах северо-западной Эстонии деревянные бороны бытовали и в XX в., в то время как в южных районах еще в последней четверти прошлого века перешли к железной бороне. Автор удачно выявил различные локальные варианты бороны, собрал их терминологию, привел богатый сравнительный материал. Ценно и то, что автор не ограничивается описанием орудий, но характеризует районы их распространения, условия и способы их применения. Статья хорошо иллюстрирована и сопровождается оригинальными картами. Правда, статья перегружена описаниями, но автора трудно упрекать за это, поскольку значительная часть материала впервые появляется в этнографической литературе.

На статье Э. Льюке «О пище в эстонской деревне во второй половине XIX — начале XX века» хочется остановиться подробнее потому, что столь существенный вопрос, как народная пища, крайне мало освещен в этнографической литературе вообще, а в эстонской — в частности. В статьях по Эстонии, написанных буржуаз-

¹ Ранее ежегодник выходил под названием «Ежегодник Эстонского народного музея» (*Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat*).